

Лу Сяньчжоу слушал его дыхание, а также невольные стоны, вырывавшиеся из горла Цяо Цзиня, когда горлышко флакона касалось чувствительных мест — всё это заставляло кровь в его жилах закипать.

— Закончил? — хрипло спросил Лу Сяньчжоу.

— М-м, да... закончил, — Цяо Цзинь почувствовал, что горлышко флакона застряло.

— Надави на стенки флакона посильнее.

Цяо Цзинь послушно отозвался, сжал флакон в руке и изо всех сил надавил, после чего опустился на колени. Горлышко внезапно вошло глубже, и он не сдержал сдавленного всхлипа, переходящего в плач.

Лу Сяньчжоу крепко вцепился в перила перед собой и шумно, с усилием вдохнул:

— Ну как, получилось?

Цяо Цзинь с огромным трудом ввел весь ингибитор и охрипшим голосом пробормотал:

— Получилось, но... эффекта пока нет.

— Глупыш, это не действует так быстро. Постарайся выровнять дыхание и просто подожди немного.

Но Цяо Цзинь не мог успокоить дыхание.

— Не нервничай. Чем больше ты нервничаешь, тем медленнее будет результат, к тому же это вызовет колебания твоих феромонов, — мягко наставлял его Лу Сяньчжоу, шаг за шагом ведя за собой. — Помнишь, как я учил тебя контролировать феромоны?

Цяо Цзинь ответил:

— Помню.

— Давай я проверю, не растерял ли ты всё, чему я тебя учил.

Лу Сяньчжоу понемногу помогал ему прийти в себя, шаг за шагом превращая сбивчивое дыхание в ровное и спокойное. Лишь тогда он смог наконец перевести дух.

Лу Сяньчжоу взглянул на часы.

— У тебя есть еще пятнадцать минут. Сделай глубокий вдох, иди приводить себя в порядок, переодевайся и выходи на сцену. Сможешь?

В Цяо Цзине вдруг проснулась решимость.

— Смогу!

— Хорошо, — Лу Сяньчжоу позволил себе легкую улыбку и пообещал ему через динамик телефона: — Если сегодняшнее выступление пройдет успешно, я привезу тебе подарок, когда вернусь в страну. Хочешь?

Цяо Цзинь был ошеломлен, он осторожно переспросил:

— А можно?

Лу Сяньчжоу улыбнулся:

— Конечно, можно. Ты мой законный супруг, и когда муж возвращается из командировки, он обязан привезти тебе подарок. Но если станцует плохо, подарок отменяется.

Цяо Цзинь твердо произнес:

— Я станцую хорошо! Экстра два: Я хочу твои феромоны

Поскольку то, что прислала Нин Лань, было вовсе не настоящим блокатором, а экстрактом феромонов Лу Сяньчжоу, эффект от него наступал не так мгновенно, как от обычного средства, к тому же при неправильном применении оно могло дать обратный результат.

Лу Сяньчжоу всё это время помогал Цяо Цзиню выровнять дыхание и успокоиться. Лишь когда голос Цяо Цзиня стал звучать ровнее, лишившись тягучих, срывающихся на плач интонаций, Лу Сяньчжоу немного выдохнул с облегчением.

— Тебе лучше, Цяо-Цяо? — мягко спросил он.

От этого обращения сердце Цяо Цзиня обдало жаром, оно снова готово было пуститься вскачь, и он поспешно ответил:

— Д-да, всё хорошо, господин Лу. Я иду на выступление.

— Хорошо.

Лу Сяньчжоу повесил трубку. Подождав несколько минут, он снова позвонил Нин Лань и велел ей пока не возвращаться в компанию, а дожидаться окончания выступления Цяо Цзиня и отвезти его домой. Кроме того, он попросил её поговорить с организаторами: есть ли у Цяо Цзиня выступления в будущем, и если да, то нельзя ли заменить его другим артистом, пообещав взять все неустойки на себя.

Нин Лань согласилась.

Цяо Цзинь вышел из уборной и, чувствуя неловкость, тихо позвал:

— Сестрица Нин Лань. Он привык никого не обременять, но с тех пор как вышел замуж за Лу Сяньчжоу, кажется, стал слишком часто беспокоить её. Видя, как она стремительно влетает в уборную, он почувствовал неловкость.

Нин Лань, впрочем, не придавала этому значения — она искренне относилась к этому маленькому супругу как к младшему брату. Она бодро рассмеялась:

— Ладно, иди скорее приводи себя в порядок, не заставляй их ждать.

Цяо Цзинь поджал губы:

— Хорошо.

Нин Лань, вспомнив наказ Лу Сяньчжоу и боясь, что Цяо Цзинь начнёт винить себя, добавила:

— Да, кстати, у меня как раз днём нет работы. Давай после твоего выступления вместе сходим пообедать?

Цяо Цзинь замялся:

— Хорошо.

— Беги скорее.

Лу Сяньчжоу был в стране У на конференции, вернуться оттуда раньше чем через три дня было невозможно. Хотя он всем сердцем беспокоился о Цяо Цзине, бросить работу и сорваться из-за границы он не мог, поэтому решил позвонить и успокоить его.

Однако дозвониться не удалось.

Он тут же позвонил домой. Тетя Ли взяла трубку, голос её звучал встревоженно:

— Господин, Цяо Цзинь вечером не спускался ужинать. Я звала его, но, кажется, он не в духе. Его что, в школе обидели?

Лу Сяньчжоу сказал:

— Я спрошу у Нин Лань. Вы пока постучите к нему и передайте, что я звонил. Я перезвоню позже.

Тетя Ли поспешно согласилась.

Лу Сяньчжоу набрал номер Нин Лань. Она была в офисе, работала сверхурочно, не зная отдыха. Приняв вызов, она включила громкую связь, бросила телефон на стол и продолжила дела.

— В такую позднюю пору звонишь поинтересоваться условиями труда? Давай надбавку, это было бы куда актуальнее.

Лу Сяньчжоу спросил:

— Тетя Ли говорит, что Цяо Цзинь вечером не спускался ужинать и пребывает в дурном расположении духа. Когда ты провожала его домой, он вёл себя так же?

Нин Лань, чья рука с документами замерла, ответила:

— Нет. Я доставила его домой в полном порядке. Более того, как ты и просил, я покормила его перед тем, как привезти. Ты что, думаешь, я его обидела?

Лу Сяньчжоу ответил:

— Ты — нет.

Сказав это, он повесил трубку.

Нин Лань посмотрела на экран:

— У старого негодяя всё-таки есть совесть.

Тем временем Цяо Цзинь заперся в комнате и ни в какую не хотел выходить. Как бы тетя Ли ни

звала его, он лишь отвечал глухим, вязким голосом:

— Не хочу, я не голоден.

Тетя Ли не сдавалась:

— Даже если не хочешь есть, ничего страшного. Господин звонил, хотел поговорить с тобой. Подойдешь к телефону?

У Цяо Цзиня в голосе слышалась сильная заложенность носа, слова тянулись, словно паутина — мягкие, клейкие:

— Сказал же, не хочу. Я собираюсь спать.

Тетя Ли ничего не могла поделать. Когда Лу Сяньчжоу перезвонил, она призналась, что не смогла до него достучаться. Лу Сяньчжоу ответил:

— Ладно, я сам. Не хочет есть — пусть не ест.

Повесив трубку, он позвонил Цяо Цзиню сам, но тот не взял трубку.

Тогда он отправил несколько сообщений в мессенджере, но они канули в Лету. Глядя на экран, он чувствовал, как терпение, с которым он писал эти мягкие уговоры, постепенно иссякает.

— Цяо Цзинь, всему есть предел. Можешь капризничать, но не отвечать на звонки я не позволяю.

Цяо Цзинь смотрел на экран покрасневшими глазами. В глазах всё плыло, он почти ничего не видел, лишь чувствовал, как от написанного веет сдерживаемой яростью. Он протер глаза, с трудом дыша и не в силах разомкнуть губы.

Лу Сяньчжоу набрал последний раз, на этот раз по видеосвязи.

Цяо Цзинь дрожащей рукой принял вызов.

Лу Сяньчжоу, ожидавший того же результата, был ошеломлен, когда звонок вдруг прошел. Но уже в следующую секунду удивление сменилось настоящим ударом.

Его рассудок рассыпался в пыль.

На экране — его мальчик: щеки пылают, взгляд затуманен, он бессознательно покусывает губы, сжавшись в комочек, словно котенок. На его белоснежном теле не было ничего, кроме его пиджака.

Его пиджака! И это была его комната!

Знакомая обстановка, черное постельное белье, на фоне которого кожа казалась ещё белее — картина ударила по глазам с такой силой, что кровь бросилась в голову, а документы в руках Лу Сяньчжоу помялись.

На полу были разбросаны его рубашки и костюмы, в комнате царил полный хаос. Даже через экран он чувствовал исходящую от Цяо Цзиня тревогу.

Тот судорожно сжимал в руках пиджак, уткнувшись носом в ткань, и беспомощно постанывал, вдыхая запах — вылитый кролик, лишенный утешения.

От увиденного у Лу Сяньчжоу мгновенно вспыхнуло желание. В груди словно зажгли факел, обжигающий дыхание и разливающийся жаром по всему телу.

Прямые, белоснежные ноги, едва прикрытые пиджаком... То, что на нем не было ничего, кроме этой вещи, выглядело еще более вызывающе.

Обычно омега, прошедший через метку, в период течки подсознательно ищет вещи с запахом своего альфы, чтобы почувствовать себя в безопасности — точно так же, как маленькие зверьки обустраивают гнезда из привычных предметов.

Этот маленький кролик что, решил, что теперь он целиком принадлежит ему?

От осознания этого инстинкта сердце Лу Сяньчжоу смягчилось. Вспомнив о том, как опасался передозировки экстракта феромонов днем и приказал Нин Лань дать лишь малую дозу, он понял: эффект оказался слишком слабым. Сейчас ему необходимо направить Цяо Цзиня на использование большего количества экстракта феромонов, иначе придется снова пережить тяжелый период течки, который иначе никак не усмирить.

Ян Цинь уже однажды довел его до таких мучений, что Цяо Цзинь начал считать течку невыносимо болезненным состоянием, и если сейчас поступить так же, этот страх лишь укоренится.

У него есть единственный шанс помочь Цяо Цзиню избавиться от ужаса и отторжения перед течкой.

Лу Сяньчжоу, борясь с собственным учащенным сердцебиением и жаром, набрался терпения и позвал его: Цяо Цяо, почему ты не вышел на ужин?

Я не хочу... не хочу, чтобы тетя Ли видела меня в таком состоянии, это так стыдно.

Лу Сяньчжоу знал, что тот просто стесняется, но не ожидал, что Цяо Цзиню настолько стыдно.

Это вовсе не стыдно, так бывает со всеми омегами, не бойся.

Цяо Цзинь елозил по кровати, пытаясь найти хоть какое-то удобное положение, но становился лишь беспокойнее. Его голос, звучащий вязко и тягуче, просил о помощи: Господин Лу, мне плохо.

Мне помочь тебе?

Цяо Цзинь тяжело выдохнул: М-м. Лу Сяньчжоу велел ему подняться и найти в левом ящике комода коробочку со специальным ингибитором.

Цяо Цзинь попытался встать, но сил не было, он осел на пол и с трудом, дрожащими руками, опирался о поверхность.

Ты справляешься?

Цяо Цзинь, прислонившись к стене, с трудом ответил: Справляюсь. Он нашел в шкафу флакон с ингибитором — порция была в два раза больше, чем днем, — и снова вскарабкался на кровать.

У Лу Сяньчжоу была легкая брезгливость, но сейчас его совершенно не заботило, что Цяо Цзинь всё испачкает; напротив, он желал, чтобы тот испачкал всё вокруг вместе с постельным бельем и самим собой.

Я же учил тебя днем, нужно еще раз показать?

Цяо Цзинь покачал головой и положил телефон на подушку. Измученный течкой, он окончательно потерял связь с реальностью. В обычное время он старался избегать Лу Сяньчжоу, а сейчас, будучи лишь в одном его пиджаке, смог пробормотать нежным голосом: Я справлюсь.

Ракурс камеры был идеальным: Лу Сяньчжоу видел, как Цяо Цзинь полуна коленях на кровати, его тонкие пальцы сжали флакон, и он медленно направил его к цели.

Порция была значительно больше дневной, поэтому ему пришлось нелегко, потребовались все усилия, чтобы справиться.

Цяо Цзинь закусил губу: ничего подобного он еще не делал, к тому же в такой неудобной позе на коленях, и вскоре на его лбу выступил пот.

Лу Сяньчжоу показалось, что он чувствует густой, приторный молочный запах, и хрипло произнес: Цяо Цяо, не кусай губы.

Его голос словно обладал странной магией: Цяо Цзинь невольно послушался и разжал зубы, но как только он это сделал, из его горла вырвался тягучий, жалобный стон.

Лу Сяньчжоу сжал пальцы так, что на тыльной стороне ладони вздулись вены: Умница, Цяо Цяо, используй весь ингибитор, ничего не оставляй.

Цяо Цзинь покорно запрокинул голову и ввел остатки препарата.

Больше... больше нет, — Цяо Цзинь с трудом вытащил пустой флакон и перевернул его, показывая через камеру. Его глаза, покрасневшие от слез, выглядели так жалко, что Лу

Сяньчжоу порадовался, что находится за границей, иначе Цяо Цзинь сегодня ночью точно бы разрыдался.

Хороший мальчик, — машинально похвалил Лу Сяньчжоу. Он смотрел, как Цяо Цзинь обхватил себя за живот, свернулся калачиком и зарылся лицом в его подушку, слабо потираясь об нее.

Живот болит?!

Дыхание Цяо Цзиня было прерывистым, но голос протяжным: Не болит, просто распирает...

Лу Сяньчжоу опасался побочных реакций: этот метод извлечения феромонов он обсуждал с профессором Фу и доктором Шэнем как наиболее приемлемый.

Цяо Цяо, послушный мой, скажи, что ты чувствуешь?

Цяо Цзинь задумался: Жарко.

Что еще?

Сознание Цяо Цзиня было затуманено, он не мог рассуждать здраво и лишь инстинктивно высказал самое сокровенное: Хочу, чтобы обняли.

Лу Сяньчжоу от такого невинного соблазнения едва не потерял самообладание, его дыхание сбилось.

Хочешь, чтобы стало полегче?

Услышав это, Цяо Цзинь поспешно закивал: Да, хочу.

Лу Сяньчжоу дважды глубоко вздохнул, чтобы успокоиться, и начал соблазнять его: Хорошо, тогда повторяй за мной. Не смей ошибаться или в последний момент отказываться, понимаешь?

Цяо Цзинь послушно кивнул.

Положи руку туда, где только что использовал ингибитор. Лу Сяньчжоу смотрел, как тот снова встал на колени и послушно выполнил указание, растерянно моргая покрасневшими, подернутыми туманом глазами — это зрелище почти заставило его сдаться.

Он только собрался отдать следующую команду, как Цяо Цзинь, словно по наитию, опередил его.

Цяо Цзинь вчера вечером так устал, что уснул, даже не заметив, когда прервался видеозвонок. Утром он проснулся, увидел телефон на подушке и полный хаос в комнате, и резко сел.

Что он делал вчера вечером?!

Цяо Цзинь поспешно опустил взгляд, увидел, что на нем все еще надет пиджак Лу Сяньчжоу, и, суетясь, сбросил его и сполз с кровати.

Как он мог превратить комнату и постель Лу Сяньчжоу в такое безобразие и даже ничего не помнить?

Он помнил лишь, что ему было плохо, тетя Ли звала его на ужин, он не пошел, а потом... потом, кажется, звонил Лу Сяньчжоу.

Цяо Цзинь внезапно все вспомнил: он ответил на звонок, а затем Лу Сяньчжоу шаг за шагом направлял его... Глядя на салфетки на полу, он восстановил в памяти все детали.

О, нет... как же стыдно.

В этот момент снова зазвонил телефон. Цяо Цзинь посмотрел на экран, где светилось имя Господин Лу, не осмеливаясь прикоснуться, но и не в силах сбросить. Поколебавшись, он все же принял вызов.

У них была разница во времени, и когда звонок прошел, была глубокая ночь. Получив в ответ на приветствие этот обиженный и полный вины голос: Господин Лу, — он чуть не лишился дара речи.

Этот мелкий сорванец просто рожден, чтобы его соблазнять.

Все еще плохо? — спросил Лу Сяньчжоу.

Нет, уже нет, спасибо.

Поблагодарив, Цяо Цзинь снова почувствовал жгучую вину: Прости, пожалуйста, я испачкал твою одежду и постель. Ты... ты не мог бы не злиться? Я все постираю, хорошо?

Лу Сяньчжоу ответил: Пустяки, тетя Ли приберется.

Цяо Цзинь замер. Тот даже не разозлился? Он осторожно спросил: А ты... вернешься сегодня?

Взгляд Лу Сяньчжоу стал холодным. Он помнил, что Цяо Цзинь обычно старается спрятаться от него, даже за общим столом сидеть не хочет.

А что, ты хочешь, чтобы я вернулся, или нет?

Цяо Цзинь прикусил губу, не осмеливаясь ответить. Он и сам не знал — он немного боялся Лу Сяньчжоу, при встрече всегда терялся и боялся его разозлить, но в то же время ему хотелось его видеть.

Его нерешительность заставила Лу Сяньчжоу подумать, что он не хочет этой встречи. Он сказал: Не волнуйся, я не вернусь в ближайшие пару дней, возникли срочные дела, придется задержаться. Ладно, переоденься и иди обедать, если что-то понадобится, звони Нин Лань.

Цяо Цзинь смотрел на экран заверщенного вызова, и его глаза защипало от обиды.

Он ведь не говорил, что не хочет видеться. Он хотел сказать, что будет стараться не злить его, стараться радовать.

Неужели он снова сказал что-то не то?

Цяо Цзинь переоделся и без аппетита спустился обедать.

Тетя Ли с тревогой спросила его: С тобой все в порядке? Вчера вечером ты не ужинал, голоден?

Цяо Цзинь покачал головой: Нет. Он съел ложку каши, не почувствовав вкуса, поднял глаза и спросил: Тетя Ли, а что любит господин Лу?

Тетя Ли удивилась: А что такое?

Цяо Цзинь опустил взгляд, приуныв: Кажется, я утром его разозлил. Хочу извиниться, но не знаю, что ему нравится. Вы ведь столько лет за ним присматриваете, знаете?

Тетя Ли ответила: Хотя я присматриваю за ним много лет, но, честно говоря, не знаю, что он любит. Господин Лу редко бывает дома, в этом доме чаще всего живу одна я, слежу за порядком. А если он и возвращается, то только чтобы поесть и сразу уйти работать в кабинет.

Цяо Цзинь отложил ложку — аппетита совсем не было.

Господин Лу действительно редко бывал дома. За все время их брака они почти не ели вместе, и он никогда не выказывал особого интереса к чему-либо.

Что же делать?

Тетя Ли сказала: Ешь, а я пойду приберусь в комнатах.

Подождите!

Тетя Ли чуть не подвернула ногу от испуга: Ч-что случилось?

Цяо Цзинь сказал: Я... я помогу вам. У меня сегодня утром нет занятий, можно попозже пойти в университет.

Тетя Ли улыбнулась: Не нужно, уборка — моя работа. Разве хозяину подобает заниматься таким? Отдыхай, раз пар нет.

Цяо Цзинь испугался, что она обнаружит разгром в комнате Лу Сяньчжоу, поэтому бросил ложку и быстро побежал к лестнице: Я сам справлюсь, я... я хочу помочь ему, да, именно так.

Тетя Ли поняла: оказывается, молодая жена хочет сама прибраться за мужем.

Ну, хорошо.

Цяо Цзинь толкнул дверь и, глядя на комнату, где, несмотря на поверхностную уборку, все еще царил беспорядок, и на скомканные салфетки в корзине, слегка покраснел.

Вчера вечером он был слишком смелым, раз устроил такой кавардак на его постели, да еще и... все испачкал.

Цяо Цзинь собрал пиджак и рубашку, отложил их в сторону, снял постельное белье и засунул все в стиральную машину. Пришлось долго разбираться, прежде чем та заработала.

Поставив таймер на час, Цяо Цзинь, чтобы не терять времени, достал заготовку для куклы и сел у окна.

Некоторое время назад у него заказали парную куклу, он ее еще не закончил.

Лу Сяньчжоу спал всего три с половиной часа. Проснувшись, он почувствовал головную боль от недосыпа.

<http://bllate.org/book/21169/2144708>